

Толстой Лев Николаевич (28 августа [9 сентября] 1828, Ясная Поляна, Тульская губерния, Российская империя – 7 [20] ноября 1910, станция Астапово, Рязанская губерния, Российская империя) – крупнейший русский писатель. Участник обороны Севастополя. Просветитель, публицист, религиозный мыслитель; его авторитетное мнение послужило причиной возникновения нового религиозно-нравственного течения – толстовства. Член-корреспондент Императорской Академии наук (1873), почетный академик по разряду изящной словесности (1900).

Творчество Льва Толстого ознаменовало новый этап в русском и мировом реализме, выступив мостом между классическим романом XIX века и литературой XX века. Лев Толстой оказал сильное влияние на эволюцию европейского гуманизма, а также на развитие реалистических традиций в мировой литературе.

Вниманию читателей «Вестника ВНЦ» предлагается известное в свое время и едва ли не забытое сегодня рассуждение Толстого о науке. Текст написан в первой половине июля 1909 г. как ответ на письмо симбирского крестьянина Ф.А. Абрамова. Будучи организатором «Общины свободных христиан», последний обратился к Л.Н. Толстому с просьбой дать разъяснения по следующим вопросам: «1) Как вы смотрите на науку? 2) Что есть наука? 3) Видимые недостатки нашей науки. 4) Что дала нам наука? 5) Чего должно требовать от науки? 6) Какое нужно преобразование науки? 7) Как ученые должны относиться к темной массе и физическому труду? 8) Как нужно учить детей младшего возраста? 9) Что нужно для юношества?» [Цит. по: ПСС. Т. 38. С. 530].

К предложенным вопросам Толстой отнесся с полной серьезностью, результатом которой стало не письмо, а небольшой эпистемологический и педагогический трактат. С некоторыми положениями Толстого, решаемыми в моралистическом духе, трудно согласиться; но главные его суждения, в которых формулируется общественно-исторические задачи науки, сегодня достаточно актуальны.

О НАУКЕ

(Ответ крестьянину)

I

То, о чем вы пишете в вашем письме, так важно, и я так давно и много думал и думаю об этом самом, что мне хочется напоследях, зная, что мое время коротко, насколько сумею, ясно и правдиво высказать все, что я думаю об этом, самой первой важности, предмете.

Вы спрашиваете, что надо разуметь под наукой и образованием? Спрашиваете, не бывают ли наука и образование вредны, и, как образец того вреда, который бывает от того, что называется образованием, приводите пример того учителя, сына крестьянина, который стыдится выкормившего его отца и, когда отец этот привез ему свои деревенские гостинцы, попросил отца спрятаться на кухне, чтобы не оконфузить сво-

им мужицким видом образованного сына перед бывшими у него гостями.

Может быть, пример этот и исключителен, но знаменателен, и стоит вдуматься в него, чтобы то, что у нас называется образованием, представлялось в ином, чем оно представляется большинству, значении.

На другой день после получения вашего письма я провел вечер с дамой, директрисой гимназии, с довольно странным для дамы именем и отчеством – Акулиной Тарасовной. У дамы этой тонкие, белые, прекрасные руки с перстнями, шелковая, умеренно модная одежда и приятный вид усталой, умной, «образованной» женщины с либеральными идеями. Дама эта крестьянская заброшенная сиротка. Помещица случайно раз-

жалобилась над именно этой сироткой, взяла ее воспитывать и дала ей «образование». И вот вместо Акульки, которую трепала бы за косы мать за то, что она, чертова девка, упустила телят в овсы, а потом вместо Акулины, которую сосватал бы Прохор Евстигнеев и бил бы в пьяном виде смертным боем, а потом вместо Акулины вдовы, которая, оставшись с пятью детьми, ходила бы с сумой и всем, как горькая редька, надоела своими слезами и причитаниями, а потом вместо ставшей из Акулины Тарасовной, которая, хотя и вырастила сына и отдала его в люди, все-таки живет впроголодь у зятя, терпя всякие обиды от брата невестки, вместо этой зачахлой, грязной, оборванной, утром и вечером умоляющей матушку казанскую царицу небесную, чтобы она прибрала ее, вместо этой Тарасовны, которая в тягость не только себе, но и всем тем, кто ее кормит, вместо этой Тарасовны теперь любезная, умная директриса, белыми руками сдающая карты, остроумно шутящая о персидских делах со старинным приятелем и сыном ее воспитателя и предпочитающая чай с лимоном, а не со сливками. И на вопрос: угодно ли ей ягод? – отвечающая: «Пожалуй, только немного. Мой милый доктор не велит, да уж очень хороши ягоды. Немножко, пожалуйста». Расстояние между той и другой Тарасовной как от неба до земли. А отчего? Оттого, что Акульке дано было «образование».

Ее благодетельница не ошиблась в том, что нужно для того, чтобы доставить своей воспитаннице то, что считалось ею несомненным счастьем: она дала Акульке «образование». И образование сделало то, что Акулька стала дамой, т. е. из мужички, которой все говорят ты, стала госпожой, которой все говорят вы и которая сама говорит ты всем тем людям, которые кормят ее вместе со всеми теми, с кем она стоит теперь на равной ноге, т. е. из сословия подвластных и угнетенных перешла в сословие властвующих и угнетающих. То же на половину сделал и ваш учитель и желает сделать до конца. Но у него еще есть препятствия родства, которых не было у моей дамы.

II

За несколько уже лет не проходит дня, чтобы я не получил от двух до четырех писем с просьбами о том, чтобы я тем или иным способом помог ему или ей, если это пишет сам желающий учиться, или мать, просящая за детей, чтобы я помог детям или молодым людям учиться, окончить образование, удовлетворить, как они пишут, съедающую их с детства страсть к просвещению, т. е. помог бы им посредством диплома выйти из положения людей, обязательно тяжело трудящихся, в положение вашего учителя или моей дамы. Самое же странное, при этом я сказал бы смешное, если бы это не было так жалко и гадко, – это то, что эти люди, юноши, девуш-

ки, матери, всегда все объясняют свое желание получить образование тем, чтобы иметь возможность «служить народу, посвятить свою жизнь служению нашему несчастному народу». Вроде того, как если бы один из многих людей, несущих общими силами тяжелое бревно, вышел бы из-под бревна и сел бы на него, в то время как другие несут его, объясняя свой поступок тем, что он делает это из желания служить несущим.

Все дело ведь очень просто. Мы говорим, что в Индии существуют касты, а что у нас в христианском мире нет их, но это неправда. У нас в христианском мире есть также немногие, но две до такой степени резко разделенные между собой касты, что едва ли возможна где-нибудь какая-либо большая разница и отделенность между двумя разрядами людей, чем та, которая существует между людьми с отчищенными ногтями, вставными зубами, утонченными одеждами, кушаньями, убранствами жилищ, дорогими портнихами, людьми, расходующими, не говоря уже ежедневно сотни рублей, но 5, 3, 1 рубля в день, и полуголыми, полуголодными, грязными, неотдыхающими, безграмотными и в вечной зависимости от нужды людьми, работающими по 16 часов в сутки за два рубля в неделю. Отношений между этими двумя если не кастами, то разрядами людей, как и не может быть иначе, нет никаких, кроме повелений, наказаний и случайных для препровождения времени игрушечных благотворений со стороны людей с вычищенными ногтями и покорного исполнения, выпрашивания и затаенной зависти и ненависти со стороны людей с мозолистыми грязными руками. Разница между кастами в Индии и этими двумя разрядами людей в христианском мире только та, что в Индии и законом и обычаем воспрещается переход из одной касты в другую, у нас же переходы эти из одного разряда в другой возможны и совершаются всегда одним и тем же средством. Средство это есть только одно: образование.

Только образование дает людям из рабочего народа возможность посредством поступления или в чиновники к правительству, или в служащие к капиталистам и землевладельцам выйти из своего сословия и сесть на шею его, участвуя с правительством, землевладельцами и капиталистами в отнятии от народа произведений его труда. Если же люди из народа какими-либо, всегда недобрыми путями и помимо образования сумели обогатиться, то для полного их перехода в высшую касту нужно опять-таки образование.

Так что стремление к образованию людей рабочего сословия, вызываемое если не исключительно, то преимущественно желанием избавления себя от труда рабочего сословия, противно установившемуся мнению, не заключает в себе не только ничего похвального, но, напротив, есть в большей части случаев стремление очень нехорошее.

III

«Но если и допустить, что цель большинства людей из народа, стремящихся к образованию, не заключает в себе ничего похвального, – скажут люди, твердо верующие в благотворность науки, – образование само по себе все-таки есть дело полезное, и желательно, чтобы как можно больше людей пользовались им».

Чтобы ответить на этот вопрос, надо ответить на то самое, о чем вы спрашиваете: что такое то, что у нас называется образованием и наукой? Так как образование есть только обладание теми знаниями, которые признаются наукой, то буду говорить только о науке.

Наука? Что такое наука? Наука, как это понималось всегда и понимается и теперь большинством людей, есть знание необходимейших и важнейших для жизни человеческой предметов знания. Таким знанием, как это и не может быть иначе, было всегда, есть и теперь только одно: знание того, что нужно делать всякому человеку для того, чтобы как можно лучше прожить в этом мире тот короткий срок жизни, который определен ему Богом, судьбой, законами природы – как хотите. Для того же, чтобы знать это, как наилучшим образом прожить свою жизнь в этом мире, надо прежде всего знать, что точно хорошо всегда и везде и всем людям и что точно дурно всегда и везде и всем людям, т. е. знать, что должно и чего не должно делать. В этом, и только в этом, всегда и была и продолжает быть истинная, настоящая наука.

Наука эта есть действительная наука, т. е. собрание знаний, которые не могут сами собой открыться человеку и которым надо учиться и которым учился и весь род человеческий. Наука эта во всем ее объеме состоит в том, чтобы знать все то, что за многие тысячи лет до нас думали и высказывали самые хорошие, мудрые люди из тех многих миллионов людей, живших прежде нас, о том, что надо и чего не надо делать каждому человеку для того, чтобы жизнь не для одного себя, но для всех людей была хорошей. И так как вопрос этот так же, как он стоит теперь перед нами, стоял всегда перед всеми людьми мира, то и во всех народах и с самых давних времен были люди, высказывавшие свои мысли о том, в чем должна состоять эта хорошая жизнь, т. е. что должны и чего не должны делать люди для своего блага. Такие люди были везде: в Индии были Кришна и Будда, в Китае – Конфуций и Лаотсе, в Греции и Риме – Сократ, Эпиктет, Марк Аврелий, в Палестине – Христос, в Аравии – Магомет. Такие люди были и в средние века и в новое время, как в христианском, так и в магометанском, браминском, буддийском, конфуцианском мире. Так что знать то, что говорили в сущности почти всегда одно и то же все мудрые люди всех народов о том, как должны для их ис-

тинного блага жить люди по отношению ко всем главным условиям жизни человеческой, в этом, и только в этом, истинная настоящая наука. И науку эту необходимо знать каждому человеку для того, чтобы, пользуясь тем опытом, какой приобрели прежде жившие люди, не делать тех ошибок, которые они делали. И вот знать все то, к чему одному и тому же пришли все эти мудрые люди, в этом, только в этом одном, истинная, настоящая наука.

IV

Наука о том, как надо людям жить для того, чтобы жизнь их была хорошая, касается многих, разных сторон жизни человеческой: учит тому, как относиться к обществу людей, среди которых живешь, как кормиться, как жениться, как воспитывать детей, как молиться, как учиться и многому другому. Так что наука эта в ее отношении к разным сторонам жизни человеческой может казаться и длинной, и многосложной, но главная основа науки та, из которой каждый человек может вывести ответы на все вопросы жизни, и коротка и проста и доступна всякому, как самому ученому, так и самому неученому человеку.

Оно и не могло быть иначе. Все равно, есть ли Бог или нет Бога, не могло быть того, что мог бы узнать всякую нужную для блага всякого человека науку только тот, кому не нужно самому кормиться, а кто может на чужие труды 12 лет учиться в разных учебных заведениях. Не могло быть этого, и нет этого: настоящая наука та, которую необходимо знать каждому, доступна и понятна каждому, потому что вся эта наука в главной основе своей, из которой каждый может вывести ее приложения к частным случаям, вся она сводится к тому, чтобы любить Бога и ближнего, как говорил Христос. Любить Бога, т. е. любить выше всего совершенство добра, и любить ближнего, т. е. любить всякого человека, как любишь себя. Так же высказывали истинную науку в этом самом ее простом виде еще прежде Христа и браминские, и буддийские, и китайские мудрецы, полагая ее в доброте, в любви, в том, чтобы, как сказал это китайский мудрец, делать другому то, чего себе хочешь. Так что истинная, настоящая наука, нужная всем людям, и коротка, и проста, и понятна. И это не могло быть иначе, потому что, как прекрасно сказал это мало-российский мудрец Сковорода: Бог, желая блага людям, сделал все ненужное людям трудным и легким все нужное им.

Такова истинная наука, но не такова та наука, которая в наше время в христианском мире считается и называется наукой. Наукой в наше время считается и называется, как ни странно это сказать, знание всего, всего на свете, кроме того одного, что нужно знать каждому человеку для того, чтобы жить хорошей жизнью. Люди, занимающиеся теперь наукой и считающиеся уче-

ными, изучают все на свете. И таких изучений, называемых наукой, такое огромное количество, что едва ли есть на свете такой человек, который не то чтобы знал все эти так называемые науки, но мог бы хотя перечислить их. Наук этих пропасть, с каждым днем появляются новые. И все эти науки, называемые самыми странными выдуманными греческими и латинскими словами, считаются одинаково важными и нужными, так что нет никакого указания на то, какие из этих наук должны считаться более, какие менее важными и какие поэтому должны изучаться прежде и какие после, какие более и какие менее нужны людям. Не только нет такого указания, но люди, верующие в науку, до такой степени верят в нее, что не только не смущаются тем, что наука их не нужна, но, напротив, говорят, что самые важные и полезные науки – это те, которые не имеют никакого приложения к жизни, т. е. совершенно бесполезны. В этом, по их понятиям, вернейший признак значительности науки.

Понятно, что людям, так понимающим науку, все одинаково нужно. Они с одинаковым старанием и важностью исследуют вопрос о том, сколько Солнце весит и не сойдется ли оно с такой или такой звездой, и какие козявки где живут и как разводятся, и что от них может сделаться, и как Земля сделалась Землею, и как стали расти на ней травы, и какие на Земле есть звери, и птицы, и рыбы, и какие были прежде, и какой царь с каким воевал и на ком был женат, и кто когда какие складывал стихи и песни и сказки, и какие законы нужны, и почему нужны тюрьмы и виселицы, и как и чем заменить их, и из какого состава какие камни и какие металлы, и как и какие пары бывают и как остывают, и почему одна христианская церковная религия истинна, и как делать электрические двигатели и аэропланы и подводные лодки, и пр. и пр. и пр. И все это науки с самыми странными вычурными названиями, и всем этим с величайшей важностью передаваемым друг другу исследованиям конца нет и не может быть, потому что делу бывает начало и конец, а пустякам не может быть и нет конца. Не может быть конца, особенно когда занимаются этими, так называемыми науками люди, которые не сами кормятся, а которых кормят другие и которым поэтому от скуки больше и делать нечего, как заниматься какими бы то ни было забавами. Выдумывают эти люди всякие игры, гулянья, зрелища, театры, борьбы, ристалища, в том числе и то, что они называют наукой.

V

Знаю, что эти мои слова покажутся верующим в науку, а в науку теперь гораздо больше верующих, чем в церковь (и веру эту еще никто не решался назвать тем, что она есть в действительности, простым и очень грубым суеверием), таким страшным кощунством, что эти верующие

не удостоят мои слова вниманием и даже не рассердятся, а только пожалуют о том старческом оглуплении, которое явствует из таких суждений. Знаю, что так будут приняты эти мои суждения, но все-таки скажу все то, что думаю о том, что называется наукой, и постараюсь объяснить, почему думаю то, что думаю.

Как я уже сказал: перечислить все те предметы, изучение которых называется науками, нет никакой возможности, и потому, для того чтобы можно было судить о том, что называется науками, я постараюсь, распределив все знания, называемые науками, по тем целям, которые они преследуют, обсудить, насколько все знания эти соответствуют требованиям настоящей науки, а если и не соответствуют, то достигают ли хотя тех целей, которые ставят себе люди, занимающиеся ими.

Знания, называемые науками, сами собой распределяются по преследуемым ими целям на три главных отдела. Первый отдел – это науки естественные: биология во всех своих подразделениях, потом астрономия, математика и теоретические, т. е. неприменные физика, химия и другие со всеми своими подразделениями. Второй отдел будут составлять науки прикладные: прикладные физика, химия, механика, технология, агрономия, медицина и другие, имеющие целью овладение силами природы для облегчения труда людского. Третий отдел будут составлять все те многочисленные науки, цель которых – оправдание и утверждение существующего общественного устройства. Таковы все так называемые науки богословские, философские, исторические, юридические, политические.

Науки первого отдела: астрономия, математика, в особенности столь любимая и восхваляемая так называемыми образованными людьми биология и теория происхождения организмов и многие другие науки, ставящие целью своей одну любознательность, не могут быть признаны науками в точном смысле этого слова по двум причинам. Во-первых, потому, что все эти знания не отвечают основному требованию истинной науки: указания людям того, что они должны и чего не должны делать для того, чтобы жизнь их была хорошая. Во-вторых, не могут быть признаны науками еще и потому, что не удовлетворяют тем самым требованиям любознательности, которые ставят себе занимающиеся ими люди. Не удовлетворяют же все эти науки, за исключением математики, требованиям любознательности потому, что, исследуя явления, происходящие в мире неодушевленном и в мире растительном и животном, науки эти строят все свои исследования на неверном положении о том, что все то, что представляется человеку известным образом, действительно существует так, как оно ему представляется. Положение же это о том, что мир действительно таков, каким он познается

одним из бесчисленных существ мира – человеком, теми внешними чувствами: зрением, обонянием, слухом, вкусом, осязанием, которыми одарено это существо (человек), совершенно произвольно и неверно. Совершенно произвольно и неверно это положение потому, что для всякого существа, одаренного другими чувствами, как, например, для рака или микроскопического насекомого и для многих и многих как известных, так и неизвестных нам существ, мир будет совершенно иной. Так что первое положение, на котором основываются все выводы этих наук, положение о том, что мир в действительности таков, каким он представляется человеку, произвольно и неверно. А потому и все выводы из этого положения, основанного на данных внешних чувств одного из существ мира, человека, не содержат в себе ничего реального и не могут удовлетворить серьезной любознательности.

Но если и допустить, что мир действительно таков, каким он представляется одному из бесчисленных существ, живущих в мире, человеку, или то, что, не имея возможности познать мир, каков он в действительности, мы довольствуемся изучением того мира, который представляется человеку, то и тогда познание этого мира не может точно так же удовлетворить требованиям разумной любознательности. Не может удовлетворить потому, что все явления этого мира представляются человеку не иначе, как в бесконечном времени и бесконечном пространстве, и потому как причины, так и последствия каждого явления, а также и отношения каждого предмета к окружающим его предметам никогда не могут быть действительно постигнуты. Причины происхождения каждого явления, а также и последствия его теряются в бесконечном прошедшем и будущем времени. Точно так же отношение каких бы то ни было предметов к окружающим их предметам не может быть точно определено, так как всякий предмет не может быть представляем иначе, как веществом в пространстве, а вещественные предметы не могут быть мыслимы иначе, как по отношению к бесконечно великим и бесконечно малым предметам.

Человек произошел от низших животных, а низшие животные от кого? А сама Земля как произошла? А как произошло то, от чего произошла Земля? Где мне остановиться, когда я знаю, что по времени конца нет и не может быть ни вперед, ни назад. Или мне говорят, что Солнце во столько-то тысяч раз больше Земли. Но Солнце ничто в сравнении с звездами в Млечном Пути. А в человеке кровяные шарики, а в шариках молекулы, а в молекулах – что?

Так что хотя могут быть и забавны, и интересны для людей, свободных от необходимого для жизни труда, исследования так называемых естественных наук о происхождении миров или органической жизни, или о расстояниях и вели-

чине миров, или о жизни микроскопических организмов и т. п., исследования эти не могут иметь никакого значения для серьезного, мыслящего человека, так как составляют только праздную игру ума, и потому ни в каком случае не могут быть признаваемы науками. Так это по отношению первого отдела так называемых наук.

Второй отдел, науки прикладные, т. е. различные знания о том, как наипростейшим способом бороться с силами природы и как пользоваться ими для облегчения труда людского, еще менее, чем знания первого отдела, могут быть признаны наукой. Не могут такого рода знания быть признаны наукой потому, что свойство истинной науки, так же как и цель ее, есть всегда благо людей, все же эти прикладные науки, как физика, химия, механика, даже медицина и другие, могут так же часто служить вреду, как и пользе людей, как это и происходит теперь. Теперь, при капиталистическом устройстве жизни, успехи всех прикладных наук, физики, химии, механике и других, неизбежно только увеличивают власть богатых над поработанными рабочими и усиливают ужасы и злодеяния войн. И потому все прикладные знания могут быть признаны мастерствами или теориями различных мастерств, но никак не наукой.

Остается третий разряд знаний, называемых наукой, – знаний, имеющих целью оправдание существующего устройства жизни. Знания эти не только не отвечают главному условию того, что составляет сущность науки, служению благу людей, но преследуют прямо обратную, вполне определенную цель – удержать большинство людей в рабстве меньшинства, употребляя для этого всякого рода софизмы, лжетолкования, обманы, мошенничества...

Думаю, что излишне говорить о том, что все эти знания, имеющие целью зло, а не благо человечества, не могут быть названы наукой.

VI

Так что в наше время называется наукой не то, что всеми людьми признается истинным, разумным и нужным, а наоборот, признается истинным, разумным и нужным все то, что некоторыми людьми называется наукой. И потому на ваш вопрос, вредна ли наука и в чем ее вред, ответ мой тот, что нет на свете ничего нужнее, благотворнее настоящей науки и, напротив, нет ничего вреднее тех пустяков, которые называются праздными людьми нашего времени науками.

Главная причина того зла, от которого теперь страдают люди, причина того деления людей на властвующих и подвластных, на рабов и господ, и той ненависти и злодеяний, которые производит это деление, главная причина этого зла – лженаука. Только эта лженаука дает властвующим возможность властвовать и лишает подвластных возможности освободиться от своего порабощения. И те, которые властвуют (я разу-

мею не одни правительства, а всю властвующую касту), знают это и хотя часто и бессознательно, но чутко, чтобы не выпустить власть из рук, следят за наукой и всеми силами поддерживают ту, так называемую науку, которая им на руку, и всячески заглушают, извращают ту истинную науку, которая может обличить их беззаконную, преступную жизнь.

Люди эти, составляющие правительство и властвующие классы, хорошо знают, что все дело в том, усвоится народом ложная или истинная наука, и потому учреждают и поддерживают, одобряют и поощряют все те пустые, ненужные рассуждения, исследования, праздные умствования, всякие теории разных мастерств, приспособлений к жизни и всякого рода юридические, богословские и философские софизмы, которые называются науками, настоящую же науку, науку о том, как жить доброй жизнью, признают «ненаучной», принадлежащей к чуждой науке области религии.

Область же религии признается ими, у нас преимущественно правительством, в других христианских странах, Англии, Германии, Франции, Австрии, высшим обществом, не подлежащей обсуждению, и все данные религии, несмотря на явные в них нелепости, выдаваемые за священные истины, признаются неизменно такими, какими они дошли до нас. В области наук считается необходимым исследование, проверка изучаемого, и, хотя сами по себе предметы лже-науки ничтожны, т. е. исключено из нее все то, что касается серьезных нравственных вопросов жизни, в ней не допускается ничего нелепого, прямо противного здравому смыслу. Область же религии, к которой отнесены все серьезные жизненные, нравственные вопросы, вся переполнена бессмысленными чудесами, догматами, прямо противными здравому смыслу, часто даже и нравственному чувству, к устранению которых никто не смеет прикоснуться.

И потому естественно, что люди «науки», с особенным уважением, подобострастием относиться к своим пустяжным занятиям и снисходительным презрением к тому соединению глубоких и нужнейших истин о смысле и поведении жизни с нелепейшими чудесами и догматами, называемому религией, внушают такие же чувства и своим ученикам. И выходит то, что люди из народа, ищущие просвещения, а их теперь миллионы, с первых шагов на пути своего просвещения находят перед собой только две дороги: религиозное, отсталое, закостенелое учение, признаваемое священной, непогрешимой истиной, не могущее уже удовлетворить их разумным требованиям, или те пустяки, называемые наукой, которые, как нечто почти священное, восхваляются людьми властвующего сословия. И люди из народа всегда почти поддаются обману и, избирая то, что называется наукой, забивают себе голову ненужными знаниями и теряют то свойственное

уважение к важнейшему нравственному учению о жизни, которое, хотя в извращенном виде, они признавали в религиозных верованиях. А как только люди из народа вступают на этот путь, с ними делается то самое, чего и хотят властвующие классы: они, теряя понятие об истинной, настоящей науке, становятся покорными орудиями в руках властвующих классов для поддержания в рабстве своих собратьев.

Так что, как ни велик вред ложной науки, и в том, что она забивает головы людей самыми ненужными пустяками, и в том, что посредством прикладных знаний дает возможность властвующему классу усиливать свою власть над рабочим народом, и в том, что прямо обманывает людей из народа своими богословскими, квази-философскими, юридическими, историческими и военно-патриотическими лжами, главный величайший вред того, что называется наукой, в той полной замене истинной науки о том, что должен делать человек для того, чтобы прожить свою жизнь наилучшим образом, заключавшейся хотя и в извращенном виде в религиозном учении, совершенно пустыми, ни на что ненужными или вредными знаниями.

Сначала кажется странным, как могло это случиться, как могло сделаться то, что то, что должно служить благу людей, стало главной причиной зла среди людей. Но стоит только вдуматься в те условия, при которых возникали и развивались те знания, которые называются наукой, чтобы вредность этой науки не только не представлялась странной, но чтобы ясно было, что это и не могло быть иначе. Ведь если бы то, что признается наукой, было произведением труда мысли всего человечества, то такая наука не могла бы быть вредной. Когда же то, что называется наукой, есть произведение людей, преступно незаконно живущих праздной, развратной жизнью на шее поработенного народа, то не может такая наука не быть и ложной, и вредной. Если бы живущие грабежом разбойники или воровством воры составили свою науку, то наука их не могла бы быть ни чем иным, как только знаниями о том, как наиудобнейшим способом грабить, обворовывать людей, какие нужно иметь для этого орудия и как наиприятнейшим образом пользоваться награбленным. То же и с наукой людей нашего властвующего сословия.

VII

«Но если и согласиться, что наука одного класса людей не может быть вся полезна для всех, все-таки такие знания, как физика, химия, астрономия, история, в особенности математика (кроме того, и искусство), сами по себе не могут не быть полезны людям и расширением их мирозерцания и своим практическим применением», — скажут люди науки. «Если само по себе и нехорошо то, что были и есть люди, которым

не надо самим кормиться, то все-таки все то, что сделали эти люди благодаря тем условиям, в которых они находились, не теряет от этого своей ценности».

Нет, не годится и эта оговорка для оправдания того, что у нас называется наукой. Представим себе, что на острове живут тысячи семей, с трудом прокармливаясь земледельческим трудом, одна же семья владеет большей половиной острова и, пользуясь нуждой в земле остальных жителей, выстроила себе роскошный дом со всякими усовершенствованными приспособлениями, террасами, картинами, статуями, зеркалами, завела конюшни с дорогими лошадьми и всякого рода экипажами и автомобилями, вывела лучшей породы скот, развела фруктовые сады с теплицами, оранжереями, парк с беседками, прудами, фонтанами, теннисом и всякими играми. Что будет со всеми этими прекрасными самими по себе предметами после того, как власть этой одной семьи над своими владениями уничтожится и тысячи семей, которые до этого кормились впроголодь на своей земле и работали на владельцев половины острова, получат в свое распоряжение дома, конюшни, лошадей, экипажи, скот, парк со всеми своими фонтанами, теннисом, оранжереями и теплицами?

Как ни хороши и дом, и парк, и скот, и оранжереи, не могут все обитатели острова пользоваться всем этим. Дом слишком велик даже для школы и будет слишком дорог своей поддержкой и отоплением, скот даже для породы слишком тяжел для плохих коров жителей. Оранжереи, теплицы, беседки не нужны, так же как не нужны другие сосредоточенные в одном месте приспособления богатых владельцев. Всем жителям острова нужно совсем другое: нужны хорошие дороги, проведенная вода, отдельные сады, огороды, нужна только следующая ступень благосостояния для всех, не имеющая ничего общего с террасами, статуями, автомобилями, рысаками, оранжереями, цветниками, теннисами и фонтанами. Все эти сами по себе хорошие предметы: статуи, трюмо, оранжереи, рысаки, автомобили, как бы ни увеличивалось благосостояние людей острова, ни для них, ни для будущих поколений никогда не понадобятся. Увеличивающееся благосостояние всех людей, живущих общей жизнью, потребует совершенно других предметов.

То же и со знаниями, как теоретическими, так и прикладными, которые доведены в своем роде до большого совершенства людьми богатых условий. Нет никакого основания предполагать, что те знания и те различные степени их развития среди людей, живущих вне каст одной общей для всех жизнью, будут те же самые, как и те, которые развились и развиваются среди немногих людей, живущих исключительной жизнью, не своими, а трудами других людей. Нет никакого основания предполагать, чтобы люди, живущие

все одинаковой внекастовой жизнью, занялись бы когда-нибудь вопросами о происхождении организмов, о величине и составе звезд, о радиации, о деятельности Александра Македонского и других, об основах церковного, уголовного и других подобных прав, об излечении болезней, происходящих от излишеств, и многими и многими другими знаниями, которые теперь считаются науками. Трудно предположить даже и то, чтобы люди, живущие общей жизнью, занятые вопросами истинной науки о том, что надо делать каждому человеку, чтобы жить хорошо, перделали бы все дела этой науки так, чтобы могли когда-нибудь на досуге заняться и аэропланами, и тридцатизэтажными домами, и граммофонами, и взрывчатыми веществами, и подводными лодками, и всеми теми чудесами, которые даются теперь прикладными науками.

Людам, занятым вопросами истинной науки, всегда будет слишком много своего нужного дела. Дело это будет в том, чтобы уяснить каждому человеку, что ему надо делать для того, чтобы не могло быть людей голодных или лишенных возможности пользоваться землей, на которой они родились, чтобы не было женщин, отдающих на поругание свое тело, чтобы не было соблазнов пьянства, алкоголя, опиума, табака, чтобы не было бы делений на враждебные народы, не было бы убийств на войнах людей чужих народов и своего народа на гильотинах и виселицах, не было бы религиозных обманов и др. Мало того, людям, занятым истинной наукой, надо будет уяснить, что надо делать каждому человеку для того, чтобы хорошо воспитывать детей, чтобы хорошо жить в семье, чтобы хорошо питаться, чтобы хорошо возделывать землю.

Так много таких и много и много других важных вопросов будут стоять перед людьми, занятыми истинной наукой, что едва ли когда-нибудь будут они в состоянии и захотят заняться граммофонами, аэропланами, взрывчатыми веществами и подводными лодками. Нет, не может быть в той науке, которая выросла на преступлении, на нарушении основного положения настоящей науки: хоть не любви, а уважения людей друг к другу и потому равенства их между собой, не могло в такой науке выработаться что-нибудь не то что полезное, но не вредное тому народу, на нарушении прав которого основывалась вся эта наука.

VIII

Ведь только забыть хоть на время то, к чему мы так привыкли, что мы уже не спрашиваем, хорошо ли это или дурно, и взглянуть на то, что делается с людьми под предлогом их обучения науке, т. е. самой нужной истине, чтобы ужаснуться на те преступления и нравственности, и здравого смысла, которые совершаются в этой области. Устраивают за большие деньги, собранные с народа, заведения, в которых одним лю-

дям разрешается, другим не разрешается учить и учиться. Определяется, чему и чему должны учиться люди и сколько времени и, главное, какое они за какое учение получают в виде диплома, дающего средства жить трудами других людей, вознаграждение.

Награждение и выгода за приобретение знаний! Ведь это все равно, как если бы давали награждение людям за то, чтобы они ели приготовляемую для них пищу, и запрещали бы людям всякую другую, кроме этой, пищу. Уже одно это обещание вознаграждения и запрещение есть свою, несомненно, доказывает, что пища дурная и что те, кто готовят ее, желают не накормить, а отравить потребителей.

Разве не то же самое с тем, что у нас называется наукой? Люди властвующего класса хорошо знают, что живы они только до тех пор, пока царствует их ложная наука и скрыта настоящая, знают, что, только стань на то место, на котором стоит теперь ложная наука, истинная – и конец их царству. А конец их царству потому, что при истинной науке не найдут они уже себе помощников из народа, для того чтобы, как теперь, посредством этих помощников, всяких полицейских, чиновников, учителей, тюремщиков, а главное, солдат, держать народ в своей власти – держать в своей власти самым простым старинным способом: на награбленные с народа деньги набирать помощников из народа, с помощниками грабить народ и частью награбленных денег подкупать новых помощников.

Узнай люди народа истинную науку, и не будет у властвующих помощников. И властвующие знают это и потому, не переставая, всеми возможными средствами, приманками, подкупками заманивают людей из народа к изучению ложной науки и всякого рода запрещенными и насильными отпугивают от настоящей, истинной.

Обман явный. Что же нужно делать людям, чтобы избавиться от него? А только то, чтобы не поддаваться обману. А не поддаваться обману значит родителям не посылать, как теперь, своих детей в устроенные высшими классами для их развращения школы, и взрослым юношам и девушкам, отрываясь от честного, нужного для жизни труда, не

стремиться и не поступать в устроенные для их развращения учебные заведения. Только перестань люди из народа поступать в правительственные школы, и сама собой не только уничтожится ложная, никому, кроме одного класса людей, не нужная лженаука, и сама собой же установится всем и всегда нужная и свойственная природе человека наука о том, как ему наилучшим образом перед своей совестью, перед Богом прожить определенный каждому срок жизни. И такая истинная наука, как ни стараются те, кому она вредна, заглушить ее, не переставая существует, как и не может не существовать между людьми.

Такая истинная наука, как она ни забита усилиями людей властвующих классов, проявляется в нашем мире и в разных религиозно-нравственных учениях, не признаваемых ложной наукой и называемых сектами, проявляется, хотя и в неполном и извращенном виде, в учениях коммунизма, социализма, анархизма и, главное, в личных словесных поучениях людей людям.

Только не верь люди в науку, вводимую насильем и наградами, и не обучайся ей, а держись только той одной свободной науки, которая учит только тому, что делать каждому человеку для того, чтобы прожить свой срок жизни, как это хочет от него Бог, живущий в его сердце, и само собой уничтожится то деление людей на высших властвующих и низших подвластных, и большая доля тех бедствий, от которых теперь страдают люди.

А такая истинная и свободная, непокупаемая и непродávаемая наука, которой учатся люди не для дипломов, а только для того, чтобы познать истину, и которой обучают люди не за деньги, а только для того, чтобы людям-братьям передать то, что знают, такая наука всегда была и есть, и научиться этой науке можно всегда, не поступая за деньги в школы, гимназии, университеты и всякие курсы, и из устных поучений добрых и мудрых людей живущих и из таких же книжных поучений умерших великих мудрецов и святых людей древности. Так вот мое мнение о том, что такое истинная наука и что такое ложная наука, в чем вред от нее и как от него избавиться.

ABOUT SCIENCE (THE RESPONSE TO PEASANT)

L.N. Tolstoy

Tolstoy Lev Nikolaevich (August 28, 1828 – November 7, 1910) – an outstanding Russian writer and sophist. Corresponding member of the Imperial Academy of Science (1873), honours academician in fine literature (1900).